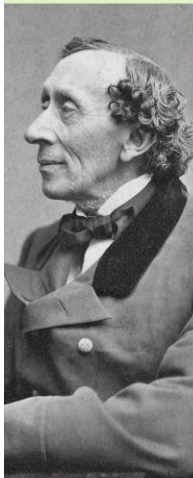

Андерсен Ганс Христиан

По Швеции

Аннотация

Книга очерков написана в 1851 году. Автор все лето путешествовал по Швеции. Его поразила живописность ее природы, а радушный прием, встреченный им повсюду, оставили в душе чувство живой благодарности. В то время между Швецией и Данией было очень мало сношений. Еще помнилась старинная вражда, и это разъединяло соседние нации. Андерсен находил большое сходство между датским и шведским языками. Он с удовольствием замечал, что шведы его понимают. Ему казалось, что Швеция есть продолжение Дании; родство обеих наций бросалось ему в глаза. Он был полон братских чувств к этой стране. Под таким впечатлением поэт сочинил скандинавскую песню, начинающуюся так: «Мы все один народ, мы скандинавы». Спустя время, когда близость между скандинавскими народами вошла в моду, датчане говорили писателю, что эта песня — лучшее его сочинение и переживет все, что он написал.

Перу Андерсена принадлежат и такие произведения: «Импровизатор», «Петька-Счастливец», «Картинки-невидимки».

Ганс Христиан Андерсен По Швеции

Перед отъездом

Весна; раздается пение птиц... Понимаешь ты их песни? Нет? Так послушай их в вольном переводе.

«Садись ко мне на спину! — предлагает аист, благословенный гость наших зеленых островов. — Я перенесу тебя через Зунд. В Швеции тоже есть свежие душистые буковые леса, зеленые луга и хлебные поля; очутившись в Сконии, в яблоневом саду крестьянина, ты подумаешь, что все еще в Дании!»

«Полетим со мной! — щебечет ласточка. — Я залетаю за Халландский мыс, где буковые леса кончаются, залетаю на север дальше аиста. Ты увидишь, как чернозем мало-помалу переходит в скалистую почву, увидишь приветливые города, старинные церкви, крестьянские дома с уютными, чисто прибранными горницами, увидишь, как семья крестьянина стоит кругом обеденного стола и слушает молитву, которую читает младший ребенок, услышишь, как вечером и утром поются там псалмы. Я слышала и видела все это еще крошкой из родного гнезда под крышей».

«За мной! За мной! — кричит непоседа-чайка, выжидательно кружась над нашими головами. — За мной в шхеры, где вдоль берега тянутся, словно цветочные грядки, бесчисленные островки, поросшие соснами да елями, где рыбаки вытаскивают сети, полные рыбы!»

«Садись на наши распростертые крылья! — поют дикие лебеди. — Мы понесем тебя к большим озерам, вечно шумящим быстрым горным потокам, туда, в где дубовые леса исчезают, а береза мельчает. Садись на наши распростертые крылья, и мы полетим к Сулительме, полетим с зеленых долин на одетые снегом вершины гор, откуда видно Северное море, омывающее тот берег Норвегии. В Емтланд полетим мы, где синеют высокие горы, где шумят горные речки, где зажигают на берегу огни, чтобы призвать с той стороны паром. Полетим и туда, к глубоким холодным водам, туда, где летнее солнце не сходит с неба, где вечерняя заря сталкивается с утренней!»

Вот что поют птицы! Не послушаться ли нам их? Не пролететь ли хоть часть их пути? Мы, конечно, не сядем ни на спину к лебедям, ни на крылья к аисту; нас повезет пар, повезут лошади и понесут наши собственные ноги! Порою мы будем заглядывать за изгородь, отделяющую действительность от ближайшей к ней соседней страны — царства фантазии, будем срывать там то

цветок, то листок и прятать их в записную книжку — на память о нашем путешествии. Итак, в путь, напевая: «Швеция, дивная страна!..»

Трольгетта

Кого же встретили мы на Трольгетте? О, это прямо невероятно! Сейчас мы расскажем все.

Мы сошли с парохода перед первыми шлюзами и очутились ни дать ни взять в английском парке: широкие аллеи, убитые щебнем и поднимающиеся вверх небольшими террасами, по бокам же залитый солнцем газон. Вид самый приветливый, красивый, но ничего поражающего, величественного. Кто ищет такого, должен взять немного правее, в сторону старых шлюзов, прорванных в скалах порохом. Зрелище величественное. Вода, пенясь, клубится по глубокому черному руслу. Отсюда вся долина и река видны, как на ладони. Противоположный берег реки представляет зеленую холмистую возвышенность, усеянную лиственными деревьями и красными деревянными домиками. По шлюзам поднимаются и корабли и пароходы; роль покорного духа играет здесь сама река, переносящая суда через скалы. Из-за леса слышится шум и рев: это грохот Трольгетты сливается с визгом лесопильных мельниц и стукотней молотов в кузницах.

«Через три часа мы пройдем все шлюзы! — сказал наш капитан. — За это время вы успеете осмотреть водопады. Встретимся у гостиницы наверху!» Мы направились по тропинке в лес, и тут нас окружила целая толпа белоголовых мальчишек. Все желали быть нашими проводниками и старались перекричать друг друга, давая самые разноречивые указания относительно того, как высоко подымается, не подымается и может подыматься в шлюзах вода. Да, и тут между учеными царило разногласие! Скоро мы остановились на обросшей красным вереском площадке скалы, на головокружительной высоте. Внизу под ними клокотала вода Адского водопада, над ним другой, третий, водопад над водопадом, образуемые все тою же многоводной рекой, вытекающей из величайшего озера Швеции. Что за вид! Какое клокотанье вверху и внизу! Точно море низвергается сверху, море пенящегося шампанского или кипящего молока! Сначала водяная масса разбивается о две скалы, и мелкая серебристая пыль стоит в воздухе густым облаком, затем поток суживается и мчится дальше, сжатый с обеих сторон каменными стенами, затем опять разбивается, падая вниз, вырывается на волю, успокаивается, делает круговой поворот назад и снова тяжело обрушивается вниз, образуя Адский водопад. Что за шум, что за рев, что за клокотанье там в глубине!.. Язык немеет!..

Онемели и наши крикуны-проводники. Когда же язык у них снова развязался и они опять пустились в рассказы и объяснения, их скоро прервал какой-то старик. Никто не замечал его раньше и не знал, как он здесь очутился. Тем не менее он был тут и прервал мальчишек своим удивительно резким, сильным голосом. Он-то хорошо знал здешние места, а о старине рассказывал так, как будто все случилось только вчера.

— В так называемые языческие времена здесь на скалах сходились витязи на единоборство! — рассказывал он. — Витязь Стэркоддер, живший тут поблизости, влюбился в красавицу Огн Альфафостер, но ей больше был по вкусу витязь Хергример. Стэркоддер вызвал его на поединок здесь у водопада и убил, но Огн схватила окровавленный меч жениха и пронзила им себе сердце, чтобы не доставаться Стэркоддеру. С тех пор прошло сто лет да еще сто лет; здесь стоял тогда густой лес, в нем бродили лето и зиму волки да медведи, хозяйничали разбойники. Никто не мог открыть их убежища — пещеры, что была близ водопада, со стороны Норвегии. Теперь ее уж нет — обрушилась. Утес...

— Да, утес Портного! — закричали мальчишки. — Он рухнул в тысяча восемьсот пятьдесят пятом году.

— Рухнул! — повторил старик, словно удивленный тем, что кто-нибудь, кроме него, мог знать это. — Все когда-нибудь рухнет, а портной рухнул сразу! Разбойники посадили его на самом краю утеса и велели ему вместо всякого выкупа поскорее сшить платье. Он было принялся за работу да как поглядел вниз — голова у него закружилась, и он полетел в клокочущую бездну. С тех пор утес и носил его имя. Однажды разбойники изловили одну молоденькую девушку; пленница и выдала их, зажгла костер в пещере, дым увидели, пещеру нашли, разбойников переловили и перевешали!

Мы пошли дальше вдоль водопада к островку; опрятная, усыпанная опилками дорожка вела до самых шлюзов Польгемса, где искусство человеческое, придя на помощь природе, создало величественнейший из водопадов Трольгетты. Стремительный поток падает в черную бездну отвесной стеной. Скала соединена с островком легким железным мостом; так и кажется, что он переброшен над настоящей бездной. Переходишь по этому колеблющемуся мосту над брызжущей, клокочущей водой на крошечный скалистый островок и стоишь там среди сосен и елей, пробивающихся из трещин. Перед нами низвергается с размаху огромный водяной поток, разбивается о скалистую глыбу, на которой мы

стоим, осыпает нас дождем мельчайших брызг и делится на два рукава; огибая остров, они несутся с быстротой пущенных из какой-нибудь исполинской пушки и падают по уступам скал, образуя целый ряд водопадов. Все они перед нами как на ладони, и мы стоим, очарованные и самой картиной, и гармоничным грохотом, раздающимся тут испокон века. «А на тот островок небось никто не взберется?» — спросил кто-то из нас, указывая на другой островок, побольше, возвышающийся над самым верхним водопадом.

— Я-то знаю одного такого! — сказал старик, как-то странно улыбаясь.

— Это мой дедушка! — сказал старший из мальчуганов. — Вообще же туда редко кто заберется, разве один в сто лет! Крест, что стоит там на вершине, поставил мой дедушка. Зима стояла такая суровая, что все озеро замерзло; водопады тоже замерзли на несколько часов, так что можно было перейти на остров по камням русла. Дедушка с двумя своими товарищами и перешел, поставил там крест и вернулся обратно. Вдруг точно из пушек выпалили — такой треск пошел; лед взломало, и река опять понеслась по лугам и лесам. Все это правда, так дедушка рассказывал!

Один из моих спутников продекламировал стихи Тегнера, в которых говорилось о силах природы, покорившихся ныне уму человека.

— Да, бедный горный дух, бедный тролль! — продолжал он. — Сила и могущество твои все падают! Ум человеческий победил их! Тебе надо поучиться у нас!

Словоохотливый, не известный никому из нас, старик скорчил гримасу и что-то пробормотал себе под нос, но... мы дошли в это время до моста перед гостиницей и увидели пароход, уже миновавший шлюзы. Все поспешили сесть, на него, и он быстро понесся вверх по реке, выше водопада, точно того и не существовало.

— Да как же это! — недоумевал старик. Он, по-видимому, не только не ездил никогда на пароход, но даже и не видал ни одного. То-то он так и шнырял по всем углам, взбирался наверх, спускался вниз, всматривался в устройство машины, точно хотел пересчитать там все гвоздики, разглядывал колеса, перевешивался через борт, словом, совал свой нос всюду. Самый канал тоже был для него совершенно новой, незнакомой дорогой, карты и путеводители также. Уж он вертел, вертел их в руках! Читать вряд ли он умел. С местностью он был, однако, хорошо знаком, то есть с местностью, какою она была в старину. Всю ночь, что мы плыли по озеру Венерн, он не спал, изучая этот новый для него способ передвижения; когда же утром мы стали подыматься из озера по шлюзам, все выше и выше, из озера в озеро, он

просто себя не помнил от удивления и любопытства. Наконец мы достигли Муталы.

Шведский писатель Тернерос рассказывает о себе, что в детстве он спросил однажды: «Кто это тикает внутри часов?», и ему ответили: «Мастер Бескровный!» Такой же страх, какой охватил при этом имени малютку, заставив его сердечко забиться, а волосы встать дыбом, охватил и нашего старика с Трольгетты в Мутале, когда мы осматривали тамошний завод. Мастер Бескровный, который тикал внутри часов, работал здесь тяжелыми молотами. Мастер Бескровный, пытаюсь человеческими мыслями, приобрел здесь плоть и члены — стальные, каменные, деревянные; мастер Бескровный черпал из человеческих мыслей физические силы, какими не обладает сам человек. Мастер Бескровный житель Муталы; тут он раскинул свои твердые члены по огромным заводам; члены эти — колеса, цепи, прутья да железные проволоки. Войдите сюда и посмотрите, как прессует раскаленные железные глыбы в длинные полосы и потом прядет их мастер Бескровный, посмотрите, как он режет ножницами твердые металлические доски, режет так легко и мягко, точно бумагу. Послушайте, как он ударяет молотом! Искры так и сыплются с наковальни! Посмотрите, как он ломает толстые железные брусья, ломает на куски одинаковой определенной

величины, ломает, точно палочки сургуча. Смотрите, как катают и стругают толстое железо, как вертятся огромные колеса, как над вашими головами бегут живые железные нити, тяжелые крепкие шнурки, слышится стук, визг, жужжанье!.. Кинешься оттуда во двор, где разбросаны железнодорожные вагоны и паровые котлы для пароходов, увидишь, что мастер Бескровный протягивает свои саженные руки и сюда. Все живет, работает само собою, человек только направляет да останавливает работу! В глазах рябит, голова идет кругом от одного вида. Смотришь, вертишься, поворачиваешься, останавливаешься, нагибаешься и просто не знаешь, что сказать, чем и выразить свое благоговение перед силою человеческой мысли. Она облеклась тут в плоть и кровь, обрела железные члены! Прислушайтесь к непрерывному грохоту молотов, приглядитесь ко всему, как пригляделся я! Старик с Трольгетты тоже весь ушел в созерцание, нагибался, привставал на цыпочки, ползал на коленях, совал голову во все уголки между машинами... Ему хотелось видеть все, изучить все, рассмотреть каждый винтик в механизме, понять, как он действует под водой. Пот лил с него градом, в пылу увлечения он все пятился задом и, наконец, угодил мне прямо в объятия, а не то бы попал под колесо! Он взглянул на меня и пожал мне руку.

— И подумать, что все это совершается естественными силами природы, просто и понятно?! Корабли идут против ветра и против течения, переплывают через леса и горы, вода сама их подымает, пар двигает?! — сказал он.

— Да! — ответил я.

— Да! — повторил он еще и еще раз и глубоко вздохнул. Тогда я не понял этого вздоха, но несколько месяцев спустя понял, и к этому-то времени я сейчас и перескочу. Осенью на обратном пути я опять заглянул на Трольгетту и провел несколько дней среди этой мощной природы, где все больше и больше начинает хозяйничать неугомонный человек, превращая прекрасное в полезное. Заставили приносить пользу и самую Трольгетту: пилить бревна, двигать мельницы, ковать и рубить. Здание вырастает здесь за зданием, лет через пятьдесят вырастет целый город. Но я отклонился от своего повествования! Как сказано, я вернулся сюда осенью. Те же шум и грохот, те же прохождение парохода по шлюзам, те же болтливые мальчишки, провожающие приезжих к Адскому водопаду, к железному мосту и к гостинице. Я долго сидел здесь, перелистывая накопленные годами книги для записей туристов. Почти все туристы выражали чувства удивления и восторга, вызванные в них зрелищем водопада, выражали на разных языках, но большей частью на

латинском, словами: *«Veni, vidi, obstupui!»* Один написал: *«Я видел шедевр природы, прошедший через горнило искусства!»* Другой писал, что *«не может выразить того, что он и видел, и что он видел, того не может выразить»*. Какой-то делец остался при деловой точке зрения и написал: *«С величайшим удовольствием увидел полезную для нас, вермландцев, работу Трольгетты»*. Одна пасторша из Скони, — как она подписалась, — и на Трольгетте не вышла из круга семейных интересов и написала: *«Пошли Бог моему зятю счастья, ум у него есть!»* Много попадалось тут и плоских острот, зато стихотворение Тегнера, написанное им здесь 28 июня 1804 г., блеснуло настоящей жемчужиной среди кучи сора.

Устав читать, я поднял голову от книги — и кого же увидел перед собою? Старика с Трольгетты! В то время как я странствовал, он все ездил взад и вперед по каналу, осматривая шлюзы и заводы, изучая силу пара и его полезную деятельность. Он заговорил со мною о проектируемых новых железных дорогах; оказалось, что он еще не видел ни одной, и я описал ему, как тянется железнодорожное полотно то по насыпям, то по высоким мостам, то по туннелям, прорванным порохом в скалах.

— Завтракаешь в Лондоне, а вечерний чай приедешь пить в Эдинбург! — сказал я ему.

— Я это могу! — сказал он таким тоном, как будто никто другой не мог.

— Я тоже! — ответил я. — Я уже и делал это!

— Так кто же вы тогда? — спросил он.

— Обыкновенный турист! — сказал я. — Путешествующий на свой счет! А вы кто?

Он вздохнул.

— Вы не знаете меня. Мое время прошло, мастер Бескровный оказывается сильнее меня! — И он исчез.

Тогда-то я понял, кто он! Да, можно себе представить, что должен был теперь почувствовать старый горный дух, тролль, выходящий на землю раз в сто лет посмотреть, как далеко ушло за это время человечество! Это и был не кто иной, как сам тролль, — всякий человек в наше время просвещеннее! И я с некоторой гордостью сознал себя сыном своего века, века движущихся колес, тяжелых молотов, ножниц, режущих металлические доски, как бумагу, машин, ломающих железные брусья, как палочки сургуча, и все это — силою пара, повинующегося человеческому гению!

Был вечер; я стоял на холме близ старых шлюзов, смотрел, как плыли с распушенными парусами корабли, словно какие-то большие белые привидения. Ворота шлюзов отворялись грузно и с грохотом, как медные врата Тайного Судилица. В вечернем воздухе стояла такая тишь; громовый

грохот Трольгетты, напоминавший шум целой сотни водяных мельниц, еще резче оттенял безмолвие природы. С деревьев слетела вдруг какая-то большая птица и, тяжело махая крыльями, скрылась в лесу пониже водопада. «Уж не тролль ли это?» — подумал я. И пусть будет так! По крайней мере, выйдет и интересно и романтично!

Оборвыши

Художник Калло — кто не знает этого имени, по крайней мере благодаря Гофману? — дал нам несколько прелестных изображений итальянских нищих. На одной из его картинок мы видим нищего, буквально обвешанного одними лоскутками; он несет в руках свои пожитки и большое знамя с надписью: «*Capitano de Baroni*». Нельзя и поверить, чтобы нашелся в действительности такой экземпляр ходячей лоскутной лавочки. В Италии мы таки и не встречали ничего подобного; там все одеяние уличных оборвышей состоит зачастую из одной жилетки, так где же им набрать столько лоскутьев! Но на севере, в Швеции, нам случалось видеть таких оборвышей.

Раз мы плыли по каналу, соединяющему Венерн с Вигеном. На берегу, на горной площадке, стояли, как украшающий жалкий ландшафт

цветущий репейник, два оборвыша в таких лохмотьях, такие ободранные и живописно чумазые, что я готов был принять их за модели, служившие Калло для его картин, или за продукт изобретательности родительской, рассчитывавшей такими лохмотьями вернее обратить на ребят благотворительное внимание туристов. Не умышленно таких оборванцев создать нельзя. Это было явление уж до невероятности смелое; каждый мальчишка мог назваться живым *Capitano de Baroni*. Младший из оборвышей был облечен в нечто, по-видимому, служившее когда-то взрослому и очень плотному человеку курткой; она доходила мальчику до пят и держалась у него на плечах посредством остатка одного рукава да тесьмы, образовавшейся из узкой полоски подкладки. Трудно было угадать, где, собственно, кончалась куртка и начинались штаны: и там лохмотья, и тут лохмотья. Все одеяние было как будто рассчитано на доставление своему обладателю возможной прохлады — всюду отдушины! Желтый холщовый лоскуток, прикрепленный к «нижним обстоятельствам», должно быть, обозначал рубашку. На голове у мальчишки сидела набекрень огромная соломенная шляпа, побывавшая, как видно, не раз под колесами; дно ее предоставлялось изображать копне всклокоченных соломенно-желтых волос оборвыша. Главным же

украшением мальчугана являлись его собственные голые коричневые плечи и руки. На другом мальчишке красовались одни панталоны, тоже все в лоскутках, но лоскутья эти были прикреплены к телу веревочками; одна шла вокруг щиколоток, другая под коленками, третья повыше, а четвертая вокруг талии. Что ж, он берег то, что у него было, и это уж много значит!

«Пошли прочь!» — крикнул капитан; мальчишка в штанишках повернулся, и мы... да, мы увидели... одни веревочки, завязанные бантиками, премиленькими бантиками! Оборвыш был одет только спереди; лоскутья составляли лишь переднюю часть панталон, заднюю же изображали одни веревочки, три миленьких веревочных бантика!..

Между Муталой и Вадстеной

На севере Швеции не только в деревнях, но и во многих торговых городах встречаются целые хижины из дерна или хоть крытые дерном, да еще такие низенькие, что гоп! — и сидишь на крыше, на мягкой травке! Раннею весною, когда поля еще под снегом, появляются на крышах этих, где снег тает раньше, первые вестники весны — стебельки молоденькой травки; завидят их воробьи и зачирикают: «Весна пришла!»